

ПРОЩАЛЬНАЯ ОДА

1

Ночь встает на колени перед лесной стеною.
Ищет ключи слепые в связке своей несметной.
Птицы твои родные громко кричат надо мною.
Карр! Чивичи-ли, карр! — словно напев посмертный.
Ветер пинает ствол, в темный сапог обутый.
Но, навстречу склоняясь, бьется сосна кривая.
Снег, белей покрывал, которыми стан твой кутал,
рушится вниз, меня здесь одного скрывая.

2

Туча растет вверху. Роща, на зависть рыбе,
вдруг ныряет в нее. Ибо растет отвага.
Бог глядит из небес, словно изба на отшибе:
будто к нему пройти можно по дну оврага.
Вот я весь пред тобой, словно пенек из снега,
горло вытянув вверх — вран, но белес, как аист, —
белым паром дыша, руку подняв для смеха,
имя твое кричу, к хору птиц прибиваюсь.

3

Где ты! Вернись! Ответь! Где ты. Тебя не видно.
Все сливается в снег и в белизну святую.
Словно ангел — крылом — ты и безумье — слито,
будто в пальцах своих легкий снежок пестую.
Нет! Все тает — тебя здесь не бывало вовсе.
Просто всего лишь снег, мною не сбитый плотно.
Просто здесь образ твой входит к безумью в гости.
И отбегает вспять — память всегда бесплотна.

4

Где ты! Вернись! Ответь! Боже, зачем скрываешь?
Боже, зачем молчишь? Грешен — молить не смею.
Боже, снегом зачем след ее застилаешь.
Где она — здесь, в лесу? Иль за спиной моею?
Не обернуться, нет! Звать ее бесполезно.

Ночь вокруг, и пурга гасит огни ночлега.
Путь, проделанный ею — он за спиной, как бездна:
взгляд, нырнувший в нее, не доплывет до берега.

5

Где ж она, Бог, ответь! Что ей уста закрыло?
Чей поцелуй? И чьи руки ей слух застлали?
Где этот дом земной — погреб, овраг, могила?
Иль это я молчу? Птицы мой крик украли?
Нет, неправда — летит с зимних небес убранство.
Больше, чем смертный путь — путь между ней и мною.
Милых птиц растолкав, так взвился над страной,
что меж сердцем моим и криком моим — пространство.

6

Стало быть, в чашу, в лес. В сумрачный лес середины
жизни — в зимнюю ночь, дантову шагу вторя.
Только я плоть ищущу. А в остальном — едины.
Плоть, пославшую мне, словно вожатых, горе.
Лес надо мной ревет, лес надо мной кружится,
корни в Аду пустив, ветви пустив на вырост.
Так что вниз по стволам можно и в Ад спуститься,
но никого там нет — и никого не вывести!

7

Ибо она — жива! Но ни свистком, ни эхом
не отзовется мне в этом упорстве твердом,
что припадает сном к милым безгрешным векам,
и молчанье растет в сердце, на зависть мертвым.
Только двуглавый лес — под неподвижным взглядом
осью избрав меня, ствол мне в объятья втиснув,
землю нашей любви перемежая с Адом,
кружится в пустоте, будто паук, повиснув.

8

Так что стоя в снегу, мерзлый ствол обнимая,
слыша то тут, то там разве что крик вороны,
будто вижу, как ты — словно от сна немая —
жаждешь сном отделить корни сии от кроны.
Сон! Не молчанье — сон! Страшной подобный стали,
смерти моей под стать — к черной подснежной славе —

режет лес по оси, чтоб из мертвых восстали
грезы ее любви — выше, сильнее, чем в яви!

9

Боже зимних небес, Отче звезды над полем,
Отче лесных дорог, снежных холмов владыка,
Боже, услышь мольбу: дай мне взлететь над горем
выше моей любви, выше стенанья, крика.
Дай ее разбудить! Нет, уж не речью страстной!
Нет, не правдой святой, с правдою чувств совместной!
Дай ее разбудить песней такой же ясной,
как небеса твои, — ясной, как свод небесный!

10

Отче зимних равнин, мне — за подвиг мой грешный —
сумрачный голос мой сделавший глуше, Боже,
Отче, дай мне поднять очи от тьмы крошечной!
Боже, услышь меня, давший мне душу Боже!
Дай ее разбудить, светом прильнуть к завесам
всех семи покрывал, светом сквозь них пробиться!
Дай над безумьем взмыть, дай мне взлететь над лесом,
песню свою пропеть и в темноту спуститься.

11

В разных земных устах дай же звучать ей долго.
То как любовный плач, то как напев житейский.
Дай мне от духа, Бог, чтобы она не смолкла
прежде, чем в слух любви хлынет поток летейский.
Дай мне пройти твой мир подле прекрасной жизни,
пусть не моей — чужой. Дай вослед посмотреть им.
Дай мне на землю пасть в милой моей отчизне,
лжи и любви воздав общим числом — бессмертьем!

12

Этой силы прошу в небе твоём пресветлом.
Небу нету конца. Но и любви конца нет.
Пусть все то, что тогда было таким несметным:
ложь ее и любовь — пусть все бессмертным станет!
Ибо ее душа — только мой крик утихнет —
тело оставит вмиг — песня звучит все глуше.

Пусть же за смертью плоть душу свою настигнет:
я обессмерчу плоть — ты обессмертил душу!

13

Пусть же, жизнь обогнав, с нежностью песня тронет
смертный ее порог — с лаской, но столь же мнимо,
и как ласточка лист, сорванный лист обгонит
и помчится во тьму, ветром ночным гонима.
Нет, листва, не проси даже у птиц предательств!
Песня, как ни звонка, глуше, чем крик от горя.
Пусть она, как река, этот «листок» подхватит
и понесет с собой, дальше от смерти, в море.

14

Что ж мы смертью зовем. То, чему нет возврата!
Это бессилье душ — нужен ли лучший признак!
Целой жизни во тьму бегство, уход, утрата...
Нет, еще нет могил! Но уж бушует призрак!
Что уж дальше! Смерть! Лучшим смертям на зависть!
Всем сиротствам урок: горе одно, без отчеств.
Больше смерти: в руке вместо запястья — запись.
Памятник нам двоим, жизни ушедшей — почесть!

15

Отче, прости сей стон. Это все рана. Боль же
не заглушить ничем. Дух не властен над нею.
Боже, чем больше мир, тем и страданье больше,
дольше — изгнанье, вдох — глубже! о нет — больнее!
Жизнь, словно крик ворон, бьющий крылом окрестность,
поиск скрывшихся мест в милых сердцах с успехом.
Жизнь — возвращенье слов, для повторенья местность
и на горчайший зов — все же ответ: хоть эхом.

16

Где же искать твои слезы, уста, объятья?
В дом безвестный внесла? В черной земле зарыла?
Как велик этот край? Или не больше платья?
Платьяца твоего? Может быть, им прикрыла?
Где они все? Где я? — Здесь я, в снегу, как стебель
горло кверху тяну. Слезы глаза мне застыт.
Где они все? В земле? В море? В огне? Не в небе ль?
Корнем в сумрак стучу. Здесь я, в снегу, как заступ.

Боже зимних небес, Отче звезды горящей,
 словно ее костер в черном ночном просторе!
 В сердце бедном моем, словно рассвет на чашу,
 горе кричит на страсть, ужас кричит на горе.
 Не оставляй меня! Ибо земля — все шире...
 Правды своей не прячь! Кто я? — пришел — исчезну.
 Не оставляй меня! Странник я в этом мире.
 Дай мне в могилу пасть, а не сорваться в бездну.

Боже! Что она жжет в этом костре? Не знаю.
 Прежде, чем я дойду, может звезда остынуть.
 Будто твоя любовь, как и любовь земная,
 может уйти во тьму, может меня покинуть.
 Отче! Правды не прячь! Сим потрясен разрывом,
 разум готов нырнуть в пение правды нервной:
 Божья любовь с земной — как океан с приливом:
 бегство во тьму второй — знак отступленья первой!

Кончено. Смерть! Отлив! Вспять уползает лента!
 Пена в сером песке сохнет — быстрее чем жалость!
 Что же я? Брег пустой? Черный край континента?
 Боже, нет! Материк! Дном под ним продолжаюсь!
 Только трудно дышать. Зыблется свет неверный.
 Вместо неба и птиц — море и рыб беззубье.
 Давит сверху вода — словно ответ безмерный —
 и убыстряет бег сердца к ядру: в безумье.

Боже зимних небес. Отче звезды над полем.
 Казни я не страшусь, как ни страшна разверстость
 сей безграничной тьмы; тяжести дна над морем:
 ибо я сам — любовь. Ибо я сам — поверхность!
 Не оставляй меня! Ты меня не оставишь!
 Ибо моя душа — вся эта местность божья.
 Отче! Каждая страсть, коей меня пытаешь,
 душу мою, меня — вдаль разгоняет больше.

21

Отче зимних небес, давший безмерность муки
 вдруг прибавить к любви; к шири её несметной,
 дай мне припасть к земле, дай мне раскинуть руки,
 чтобы пальцы мои свесились в сумрак смертный.
 Пусть это будет крест: горе сильней, чем доблесть!
 Дай мне объятья, нет, дай мне лишь взор насытить.
 Дай мне пропеть о той, чей уходящий образ
 дал мне здесь, на земле, ближе Тебя увидеть!

22

Не оставляй ее! Сбей с ее крыльев наледь!
 Боже, продли ей жизнь, если не сроком — местом.
 Ибо она как та птица, что гнезд не знает,
 но высоко летит к ясным холмам небесным.
 Дай же мне сил вселить смятый клочок бумажный
 в души, чьих тел еще в мире нигде не встретить.
 Ибо, если следить этот полет бесстрашный,
 можно внезапно твой, дальний твой край заметить!

23

Выше, выше... простясь... с небом в ночных удушьях...
 выше, выше... прощай... пламя, сжегшее правду...
 Пусть же песня совет... гнезда в сердцах грядущих...
 выше, выше... не взмыть... в этот край астронавту...
 Дай же людским устам... свистом... из неба вызвать...
 это сиянье глаз... голос... Любовь, как чаша...
 с вечно живой водой... ждет ли она: что брызнуть...
 долго ли ждать... ответь... Ждать... до смертного часа...

24

Карр! чивичи-ли-карр! Карр, чивичи-ли... струи
 снега ли... карр, чиви... Карр, чивичи-ли... ветер...
 Карр, чивичи-ли, карр... Карр, чивичи-ли... фьюи...
 Карр, чивичи-ли, карр. Карррр... Чечевицу видел?
 Карр, чивичи-ли, карр... Карр, чивичири, чирри...
 Спать пора, спать пора... Карр, чивичи-ри, фьере!
 Карр, чивичи-ри, карррр... фьюри, фьюри, фьюири.
 Карр, чивичи-ри, карр! Карр, чивиче... чивере.

январь 1964
 Таруса